

О КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СФЕРЕ НАУКИ

Л. И. САФОНОВА, Н. Г. СМЕРНОВ

Бурный расцвет науки и все возрастающее ее воздействие на развитие общественного производства привлекли к ней внимание широких экономических кругов. Наука, как особая сфера приложения труда и материальных ресурсов общества, занимает все больший удельный вес среди других областей общественно полезной деятельности. Поэтому особенно актуальным становится именно экономический анализ места и роли науки в общественном воспроизводстве. Необходимо раскрыть конкретный механизм вхождения продукта науки в производство, выявить объективный характер тех экономических форм, которые получают результаты научной деятельности, включаясь в хозяйственный оборот, и на этой основе иметь более реальное представление об экономической оценке затрат труда в сфере науки и их эффективности.

Получить ответы на все эти практически очень важные вопросы можно лишь на базе надежного методологического подхода и глубокого теоретического анализа экономических отношений, возникающих во взаимосвязи науки с общественным производством.

В данной статье сделана попытка подойти к рассмотрению этой широкой проблемы с точки зрения того, каким образом критерии эффективности общественного производства воздействуют на экономическую оценку затрат труда в сфере науки и придают экономическим формам продукта науки количественную определенность. Учитывая слабую разработанность темы, статья носит постановочный характер и преследует цель способствовать усилению интереса к теоретической стороне вопроса. Такой подход помимо всего объясняется и тем, что достаточно активные попытки рассчитать меру эффективности научного труда, «стоймость» научного исследования и т. п. с точки зрения практической организации экономических связей между наукой и производством пока не дали сколько-нибудь обнадеживающих результатов.

К определению эффективности общественного производства можно подходить с различных сторон и различных точек зрения. Чаще всего это делается с позиции конечных целевых установок производства. В принципе это совершенно оправданный прием, так как он позволяет выявить некоторые общие и фундаментальные основы, не зависящие от конкретной общественной формы производства.

Так, если с производства снять его общественную форму и теоретически рассматривать производство вне ее, то его эффективность проявится двояким образом. Во-первых, как способность производства

удовлетворять общественные потребности на том или ином уровне. В этом случае она будет определяться массой и производительной силой примененного труда. А, во-вторых, как способность производить в единицу времени различный объем общественно полезных благ. Здесь эффективность сводится уже только к производительной силе примененного труда.

Исходя из этого, критерием эффективности общественного производства признается, с одной стороны, степень прироста общественного продукта в соответствии с потребностью в нем, а с другой — минимизация затрат на заданный объем продукта. И максимум прироста продукта, и минимум затрат на его единицу как критерии эффективности производства хотя и отражают разные его стороны, но находятся в тесном единстве. Первый предполагает второй, а второй делает возможным реализацию первого, так как всякое уменьшение затрат на единицу производимого продукта есть высвобождение ресурсов для увеличения объемов производства.

Максимизация объема производства характеризует меру удовлетворения потребностей и поэтому имеет абсолютное ограничение, делающее расширение объема производства нецелесообразным, если оно выходит за пределы общественной потребности в продуктах данного производства. Для правильного понимания вопроса очень важное значение имеет представление об абсолютном насыщении потребностей. Предположить общество, производство которого полностью удовлетворяет его потребности, практически невозможно. Об абсолютном насыщении потребностей более или менее основательно можно говорить не в связи с совокупными общественными потребностями, а по поводу потребностей в определенных конкретных продуктах. Но и в том случае экономически абсолютное ее насыщение наступает нередко задолго до того, как возникает физическое стопроцентное насыщение потребления данным продуктом. Полное физическое насыщение потребления, оставаясь перспективным ориентиром развития производства, само по себе не может служить критерием эффективности производства. Нельзя считать, что всякое увеличение объема производства того или иного продукта есть благо только на том основании, что физическая потребность в нем не удовлетворена на все 100%.

Всякое производство отдельного предприятия или отрасли занимает строго определенное место в системе общественного разделения труда и одновременно в системе совокупных общественных потребностей, которые они призваны удовлетворять. Поэтому увеличение объема производства в отдельном хозяйственном звене, несообразное с развитием сопряженных сфер, удовлетворяющих иные потребности, может вызвать либо совершенно бесполезную, либо неэффективную трату ресурсов. Потребитель откажется в этом случае от возмещения затрат на производство этой дополнительной продукции не потому, что она вообще ему не нужна в силу абсолютного насыщения потребления, а потому, что другие его потребности удовлетворены в меньшей мере.

Абсолютное насыщение потребностей проявляется прежде всего как экономическая характеристика. С этой точки зрения она представляется не каким-то отдаленным ориентиром, к достижению которого стремится производство, а оптимизированным выражением потребностей при заданных условиях их удовлетворения. Движение производства к физически полному удовлетворению потребностей экономически обосновано и целесообразно только тогда, когда оно осуществляется через эти оптимизированные количественные характеристики потребностей. Потребитель отказывается признать экономически обоснованным прирост того или иного продукта, так как в системе его потребностей этот продукт занимает меньшее удельное место. Всякое смещение в

структуре народнохозяйственных пропорций оправдано лишь тогда, когда оно сообразовано с этой системой потребностей.

Отсюда следует, что критерий экономической эффективности производства, выраженный через максимум прироста продукта, в реальной экономической жизни проявляется как выход производства на оптимальное распределение производственных ресурсов по различным сферам деятельности в соответствии с системой потребностей. Такой выход оно осуществляет постоянно, подстраиваясь под объективно оптимизированные количественные характеристики потребностей. В этом процессе и обнаруживается, что прирост продукта, по которому производство еще не вышло на уровень оптимальных величин, сопровождается признанием повышенной эффективности затрат. Внешне это проявляется как воздействие на производство повышенного спроса. Если же прирост продукта осуществлен, когда предшествующий объем производства уже вышел на его оптимальную величину, то эти затраты экономически окажутся неэффективными и при данных условиях производства нецелесообразными. **Общественная оценка затрат не по их действительной величине, а по оптимальным характеристикам и выявляет реальную экономическую меру эффективности прироста общественного продукта.**

На первый взгляд может показаться, что подобный подход к определению эффективности производства основан на гипертрофированном представлении о роли и значении общественных потребностей, в переносе центра тяжести из области производства в область потребностей.

На самом деле это не так. Подчеркивание значения общественных потребностей в разработке проблемы эффективности общественного производства не означает умаления определяющей роли производства как в формировании самих потребностей, так и формировании их как системы. Но получить достаточно аргументированный ответ на возникающие сомнения можно, если проблема эффективности производства будет рассмотрена и с точки зрения критерия, ориентирующего на минимум затрат.

Стремление к минимуму затрат по своей сущности проистекает из того, что производство есть процесс взаимодействия человека с природой. Очевидность сбережения затрат в этом процессе не требует никаких дополнительных доказательств.

Но, как уже указывалось выше, минимизация затрат выступает как способ реализации и целевой функции на максимум продукта. Непрерывно рационализируя средства и способы труда, производство высвобождает часть ресурсов. Тем самым оно вначале создает предпосылки для более полного удовлетворения потребностей, а затем, производительно используя эти ресурсы, расширяет фактическое потребление. Подобные изменения в производстве разных продуктов происходят не в одно и то же время и не в одинаковой мере. В современных условиях это в решающей степени зависит от темпа развития науки в разных областях знаний.

Сокращение затрат труда на те или иные продукты вызывает, во-первых, появление новых возможностей по отношению к физически полному насыщению потребностей, приближая производство к этому абсолютному рубежу, а, во-вторых, как следствие первого, приводит к определенным мутациям в системе потребностей, меняя удельный вес общественно допустимых затрат каждой из составляющих этой системы. Это и дает основание утверждать, что экономические оценки потребностей как оптимальные характеристики продукта, входящего в систему потребностей, взяты не из самих потребностей как таковых и оторванных от производства, а являются продуктом этого производства, отражают его изменения и построены на основе этих изменений.

Такой подход к раскрытию содержания критериев эффективности общественного производства основан на понимании диалектической связи производства и потребностей, которая предполагает их как единство и противоположности. Он исходит из того, что совершенно недостаточно и односторонне понимать связь производства и потребностей в том смысле, что последние всегда количественно обгоняют возможности первого. Из этого факта не вытекает никаких конкретных экономических оценок эффективности труда.

Рассмотренные критерии эффективности производства сами по себе лежат вне исторически определенной общественной формы производства. Применительно к последней они трансформируются через общественную цель производства и проявляются только в ней. Общественная же цель производства — это не удовлетворение потребностей как таковых, а удовлетворение потребностей субъекта собственности на средства производства. Только они являются целевой функцией производства и только мера их удовлетворения определяет в реальной действительности эффективность производства.

Исходя из целевой функции общественной формы производства, можно описать целый ряд исторически специфических критериев эффективности в соответствии с потребностью в нем того, кто осуществляет затраты материальных и трудовых ресурсов. Для простого товарного производства этот критерий уже ориентирован не на потребности самого производителя, а на общественные (рыночные) потребности в продуктах данного производства. На этой основе условием эффективности затрат становится их возмещение посредством обмена в виде купли-продажи. Через этот обмен товаропроизводитель получает доступ к тем продуктам, производством которых он сам не занимается, и через него же выявляется общественная целесообразность его собственных затрат. Отсюда следует очень важный вывод, что для производства, осуществляемого на товарной основе, решающей предпосылкой оценки эффективности затрат является возможность их эквивалентного возмещения посредством обмена.

Более сложная общественная форма производства, где возрастание собственности становится его целью, уводит критерий эффективности в иную сторону, отодвигая его от естественной материальной основы, какой для него является степень удовлетворения потребностей. Теперь этот критерий эффективности непосредственно опирается на производственное отношение, приводящее к распадению труда на необходимый и прибавочный. Степень эксплуатации наемного труда при капитализме есть одновременно и степень эффективности примененного капитала.

Однако отрыв эффективности капитала от действительных общественных потребностей не может быть по своей природе абсолютным. В таком случае он пришел бы в полное противоречие с товарной формой существования капитала. Капитал, не признанный обществом как товар, прекращает свое существование. Поэтому неудовлетворенные потребности общества придают жизненную силу капиталу, обеспечивая его движение как товара, а его стремление непрерывно увеличивать самого себя может существовать только на этой основе.

Таким образом, необходимость производства всякий раз выходить на оптимизированную структуру потребностей проявляет себя в конечном счете и в этой его общественной форме. Общие производственные основы так или иначе находят свое проявление в специфических формах производственных отношений. В противном случае разрушается возможность самого производства.

Наибольшую трудность представляет выявление критериев эффективности производства с учетом его общественной формы, когда эта

форма характеризуется общенародной собственностью на средства производства при сохранении элементов экономического обособления и, следовательно, сохранении товарно-денежных отношений. Сложность структуры производственных отношений социализма отражает состояние производственных сил, не созревших еще до уровня коммунизма, но и отрицающих капиталистическую форму их применения. Это служит известным объективным оправданием тех трудностей, с которыми встретилась экономическая наука, анализируя проблему эффективности социалистического производства и способов ее выражения, адекватных социализму.

Общенародная собственность, будучи определяющим началом в системе социалистических производственных отношений, вновь, теперь уже на уровне всего общества, выдвигает в качестве непосредственной цели производства удовлетворение потребностей членов общества в жизненно необходимых средствах. Здесь возникает слияние целевых функций, вытекающих из самого процесса труда как взаимодействия человека с природой, так и из общественной формы этого труда.

Однако такое слияние нельзя представлять упрощенно. Дело в том, что народнохозяйственный критерий эффективности, выраженный через максимизацию общественно необходимого продукта, на уровне отдельного предприятия не может быть применен прямолинейно. Такая целевая установка производства при социализме не может идти от отдельного предприятия. Она выступает по отношению к нему как внешне заданная более высоким хозяйственным уровнем. Причем это задание из относительно неопределенной количественной установки на максимум трансформируется в строго определенную величину планового задания. С точки зрения народнохозяйственного уровня своевременное и точное исполнение планового задания является экономически наиболее содержательным видом оценки деятельности социалистического предприятия.

Настойчивая ориентация хозрасчетного предприятия на перевыполнение плана по производству и реализации продукции нередко не отвечает объективным требованиям повышения эффективности производства. Она лишь чисто внешне согласует поведение предприятия с народнохозяйственным критерием эффективности.

Сведение целевой функции социалистического предприятия к точному и своевременному обеспечению плана внутренне противоречиво. Оно ограничивает использование вновь открывшихся возможностей расширения производства до тех пор, пока информация о них не попала в вышестоящий уровень и не приняла форму планового задания для предприятия. Однако это противоречие относится к разряду таких, которые порождены объективными условиями и не могут быть сняты изменениями организационных форм.

Задача «попадания» предприятия в круг общественно необходимых потребностей является важнейшей для всякого производства. Будет ли оно стихийно, через рыночные связи нащупывать это «попадание» и терять часть своих ресурсов на этом пути или получит заранее от общества количественные характеристики объемов своего производства, и общество в целом будет нести потери от неполного использования наличных ресурсов — все это зависит от специфики общественной формы производства. Но совершенно ясно, что никакая общественная форма производства не устраняет этого противоречия.

Общественный характер собственности снимает с каждого предприятия необходимость решения вопроса об объеме своего производства. Это не значит, что социалистическое предприятие вовсе устраняется от участия в выработке собственной производственной программы. Так, ставить вопрос нельзя. Роль предприятия здесь остается по-прежнему

очень существенной. Но характер его поведения принципиально иной. Всякое решение на уровне предприятия об изменениях в выпуске продукции должно предполагать его согласование с вышестоящим органом хозяйственного управления. Это объективное свойство планомерной организации общественного производства. Только таким образом возможно настроить поведение предприятий в соответствии с народнохозяйственными потребностями.

Планирование окажется достаточно эффективным, если оно опирается на стремление предприятия принять на себя напряженный план, полностью и с наибольшей отдачей вовлечь в хозяйственный оборот все находящиеся в его распоряжении ресурсы. Но оценка эффективности работы предприятия по признаку выполнения им планового задания с неизбежностью порождает известное противоречие между интересами общества и интересами его отдельного предприятия. Приспосабливаясь к этой оценке, предприятие так или иначе остается в какой-то мере заинтересованным либо минимизировать объем планового задания под имеющиеся у него ресурсы, либо, наоборот, максимизировать ресурсы под заданный план. Отрицательная оценка его деятельности в случае невыполнения плана побуждает его к такому поведению.

Совершенно очевидно, что подобное поведение предприятия является формой проявления противоречия между критерием эффективности, идущим от общественной формы производства, и критерием эффективности, вытекающим из самого процесса труда, из общих условий взаимосвязи производства и потребностей. Объективность этого противоречия делает его непременным атрибутом всякой системы производственных отношений, с позиций которой решается вопрос о критериях эффективности производства.

Наибольший интерес, а следовательно, заботу и беспокойство о минимизации затрат проявляет непосредственный собственник экономических ресурсов, или, иначе говоря, субъект присвоения продуктов производства. Учитывая, что при социализме им является все общество, и что рассмотренное противоречие существует не как противоречие между разными субъектами присвоения, а как противоречие разных уровней планомерно организованной системы, следует прийти к выводу о необходимости дополнительных критериев эффективности производства на уровне отдельного предприятия.

Из плана вытекает, что прежде всего предприятие оценивается по тому, насколько полно и своевременно оно поставило обществу продукцию своего производства. Вместе с тем план должен фиксировать, исходя из народнохозяйственных критериев эффективности, нормативы общественно допустимых затрат и стимулы, побуждающие предприятия к снижению индивидуальных затрат по сравнению с установленными обществом нормативами.

Норматив общественно допустимых затрат вытекает из оптимального распределения производственных ресурсов общества в соответствии с общественными потребностями. Для предприятия он служит экономическим критерием, несущим в себе информацию о том, при каких затратах общество признает производство данной продукции целесообразным. Поэтому отклонение от такого норматива затрат может служить и служит еще одним критерием эффективности. Теоретически, в пределах рассмотренных условий, им может быть как уровень снижения себестоимости, так и уровень рентабельности. Второй, несравненно, является экономически более сложной формой, но и одновременно более емкой и целенаправленной.

Оценка эффективности производства через уровень рентабельности имеет место, как уже рассматривалось, в капиталистической общественной форме производства. Там она выступала как фактически един-

ственная форма. В массе и норме прибыли полностью находит свое выражение эффективность приложения капитала. Для социализма показатель рентабельности отражает иные, с этой точки зрения, более сложные производственные отношения. Поэтому он выступает лишь как один из моментов в системе критериев оценки эффективности общественного производства. Его главная направленность состоит в том, чтобы побуждать производителя к непрерывному сокращению издержек производства. Но, ориентируясь только на него, социалистическое предприятие не должно помимо народнохозяйственного плана определять направления использования своих ресурсов, изменять объемы и номенклатуру своего производства.

Система критериев эффективности общественного производства играет решающую роль при выяснении экономического содержания взаимосвязи науки с производством. Она создает все необходимые условия для ценностной ориентации при решении вопросов производительного применения результатов научного труда.

Конкретные проявления эффекта применения науки в производстве бесконечно разнообразны, но в конечном счете экономически они сводятся преимущественно к двум. Во-первых, производство получает возможность освоить выпуск новой продукции, а во-вторых, сократить свои издержки на единицу продукта. Этот эффект выступает как потребительная стоимость продукта науки для производства.

Экономическую целесообразность затрат на приобретение потребительной стоимости в виде продукта науки производство может выявить только исходя из собственных критериев, из собственных целевых установок. С этой точки зрения ему нет дела до действительных затрат в сфере науки. Оно признает их общественно нормальными в тех пределах, которые диктуют ему законы его собственного функционирования.

Рассмотрим теперь экономическую взаимосвязь производства и науки по поводу каждого из двух возможных проявлений полезного эффекта науки.

Когда речь идет о том, что потребительская стоимость продукта науки позволяет освоить выпуск новой продукции, то производство прежде всего должно знать, что эта новая продукция соответствует действительным общественным потребностям и будет иметь своего потребителя, экономически способного возместить затраченный производством труд. Реальная потребность в новом продукте определяется в свою очередь двумя факторами: полезными свойствами этого продукта и затратами на его производство. Последние, очевидно, предполагают включение в себя в виде одной из составляющих и затраты на науку, благодаря которой появилась возможность открыть это новое производство.

Как видим, проблема экономической целесообразности затрат, которые несет производство, приобретая продукт науки, трансформируется в более общую проблему экономического обоснования производства новой продукции. Не раскрывая специфического содержания этой новой задачи, можно уже на этом уровне получить некоторые положительные выводы применительно к интересующей нас постановке вопроса. Среди их решающее значение имеет тезис о том, что производство будет считать целесообразным затраты на науку в том пределе, пока они вместе с другими не составят такой величины, после которой потребитель отказывается от удовлетворения своих потребностей в новом продукте. Отсюда следует, что всякий научный труд, если он предполагает открытие новых знаний и их производительное применение путем создания производства новых продуктов, может вступить в хозяйственный оборот лишь той своей частью, которую производство считает целесообразной.

Такой вывод помимо всего основывается на особом положении науки среди других сфер деятельности. Продуктом научной деятельности являются новые знания. Производительное потребление этих новых знаний есть лишь один из моментов их полезности. С известной точки зрения новые знания имеют значение и ценность иного, познавательного порядка и без их производительного потребления. Конечно, всякий раз можно совершенно основательно утверждать, что открытие новых знаний продиктовано потребностями их производительного применения. Но это нисколько не умаляет правильности положения о самостоятельности познавательной и производительной ценности продукта науки¹.

Раздельность этих двух функций науки приводит к тому, что продукт науки нередко возникает независимо от того, как, где и когда он будет потреблен производительно. Если даже производство заранее формулирует более или менее точный заказ науке на определенный эффект ее результата, то это остается лишь частным случаем общего положения. Производство имеет дело уже с готовым результатом, с уже полученными новыми знаниями, следовательно, с уже имевшими место затратами труда в сфере науки. Причем затратами, обусловленными производством новых знаний, которые сами по себе определяются не экономическим эффектом от их производительного потребления, а способом, «технологией» производства самих знаний.

Производство как потребитель, давая оценку этим затратам научного труда, исходит из общественной целесообразности выпуска новой продукции. Поэтому оно либо дает нулевую оценку, либо признает в той части, в которой их объем не превышает размера, после которого общество отказывается от удовлетворения своих потребностей в данном новом продукте.

Казалось бы, что такой порядок, оторванный от действительных затрат в сфере науки, должен привести к постоянной нулевой оценке. На самом деле это не так. Но нулевая экономическая оценка эффекта научного труда в действительности существует, когда научный труд не сопровождается обособленным присвоением его результата, а сам результат выступает в виде всеобщего достояния. В этом случае эффект науки выступает как эффект общественных производительных сил и присваивается в виде даровой силы природы. К. Маркс по этому поводу прямо замечал: «...производительная сила, которая ничего не стоит капиталу, это сила науки»¹.

Однако эффект науки будет ничего не стоить производству, если труд ученого или научной организации не выступает с точки зрения производственных отношений как экономическая обособленная деятельность, как такая деятельность, которая сопровождается обособленным присвоением продукта труда. Следовательно, в общественной форме научного труда заложена исходная посылка возникновения экономической оценки продукта этого труда. Производитель научного продукта, выступая как обособленный агент менового отношения, может ограничить доступ к нему со стороны производства. Это невыгодно производству, поскольку сдерживает обеспечение им его собственных функций. Отсюда следует, что нулевая экономическая оценка продукта науки не обеспечивает согласования интересов агентов рассматриваемого отношения.

Ценностные характеристики продукта науки, таким образом, получают противоположные выражения в зависимости от субъекта, их осуществляемого. Производство стремится к его нулевой оценке, так как новое знание уже получено, существует безотносительно производства. Поэтому оно претендует на его утилизацию точно так же, как на любой другой субстрат, заданный природой в готовом виде до производства и безотносительно самого производства. Сфера же науки, если она всту-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 280.

пает в хозяйственный оборот в виде экономически обособленной деятельности, смотрит на свой продукт не как на одну из форм универсального знания производственных возможностей общества, а как на конкретный продукт, хозяйственный оборот которого обеспечивает ей экономически самостоятельное, обособленное существование. Поэтому чем большую компенсацию сфера науки получит от производства за производительное потребление ее продукта, тем более это будет отвечать общественной форме научного труда как экономически обособленного. На первый взгляд, нормальная экономическая связь науки с производством при такой противоположности экономических интересов должна осуществляться путем эквивалентного обмена. Производство должно возместить научной сфере ее затраты. В противном случае это ограничит поступление необходимых ресурсов для воспроизведения научной деятельности, она перестанет быть экономически целесообразной для субъекта отношения, представляющего науку.

Представим, что в реальной действительности товарный обмен между производством и наукой осуществляется на основе трудовой эквивалентности. Очевидно, сразу следует оговориться, что трудовую эквивалентность здесь нельзя понимать как основанную на общественно необходимом времени труда в обычном смысле этого термина. Общественно необходимое время как среднее от индивидуальных затрат не применимо к продукту научного труда в силу специфики процесса производства новых знаний. Эта специфика состоит в том, что производство новых знаний опирается на ранее добытые знания. Но труд, затраченный на производство прежних знаний, экономически не переносится как составляющая в затраты труда на новые знания. Здесь нет амортизации в обычном смысле. Прошлый труд практически в этом процессе находит свое выражение лишь через сопутствующие затраты, связанные с материальным обеспечением научного труда зданиями, сооружениями, установками и прочим оснащением. Далее, производство вступает в экономическую связь только с тем научным учреждением или ученым, которые уже получили необходимый производству продукт. С другими оно не вступает в отношение по той простой причине, что они не имеют этого продукта, если даже и работали в соответствующем направлении. В силу этого какие бы затраты ни несли другие представители на разработку данной проблемы, они никак не могут повлиять на величину необходимых затрат при оценке каждого конкретного случая.

Абстрагируясь от всех особенностей формирования затрат на научное исследование, предположим, что в товарном обмене научное учреждение полностью компенсирует все свои фактические расходы, имевшие место при получении данного продукта науки. И в этом случае наука как особая сфера деятельности не получает надежного источника для своего нормального функционирования. Продолжая свою деятельность как научное учреждение, оно не может опираться только на ту массу труда и материальных ресурсов, которые были использованы в предшествующей работе. Открытие других, новых знаний, лишь с точки зрения самих знаний, опирается на предшествующие знания, но никак не обусловлено затратами труда на них. Потребность в ресурсах для новых работ будет определяться только условиями производства самих этих работ. Учитывая возрастающую потребность сферы науки в дополнительных ресурсах на проведение научных исследований, следует сделать самый решительный вывод, что товарный обмен даже по самым высоким оценкам (полное возмещение затрат на продукт науки) не обеспечивает нормального источника образования ресурсов научного учреждения.

Конечно, совершенно резонно считать, что труд в сфере науки также распадается на необходимый и прибавочный. Тогда прибавочная

его часть выступит в качестве той экономической формы, которая позволит привлечь к этой сфере большую массу материальных ресурсов и живого труда новых ученых. Следовательно, и в этой сфере имеет место собственный источник экономического развития. Но надо иметь в виду, что присвоение сферой науки собственного прибавочного труда не может снять проблемы в целом.

Все это приводит к убеждению, что наука представляет из себя одну из таких сфер деятельности, которая по природе своей не может регулироваться полностью экономическими законами товарных отношений. Для этих отношений здесь нет достаточно прочной и надежной основы в материальных условиях воспроизводства научного труда.

Подчинение возможностей развития науки коммерческим оценкам продукта ее труда при определенном социально-экономическом строе, где прибыль является единственным мотивом экономической жизни, может получить и получает гипертрофированное значение. Но в то же время вся мировая практика развития науки свидетельствует, что общество всегда в большей или меньшей мере стремится создать дополнительные благоприятные для нее условия путем вне рыночного перераспределения доходов своих членов, используя для этой цели бюджет и иные каналы.

Проявление сферы науки как экономически обособленной, вступающей в отношение с другими областями посредством товарно-денежной связи, является лишь одной из форм ее существования. Причем, эта коммерческая ее форма, по-видимому, никогда для сферы науки и ее учреждений не может быть единственной и всеобщей. Конечно, в структуре разделения внутри самой сферы науки могут быть самостоятельные подразделения, которые стоят ближе или дальше от возможности проявить себя как коммерческие организации. Но в целом наука не может полагать свою связь с производством только на основе товарных отношений. Поэтому стоимостные характеристики оценки эффективности научного труда могут иметь лишь относительное значение.

Рассмотренные общие принципиальные подходы к проблеме товарной формы продукта научного труда имеют известное значение и для того случая, когда полезный эффект этого продукта позволяет обществу сократить издержки производства на единицу продукта. Но здесь есть свои особенности, к числу которых следует прежде всего отнести изменение критерия эффективности применения продукта науки в сфере производства. Если в первом случае решающее значение имело более полное и разностороннее удовлетворение потребностей за счет новых продуктов, то во втором акценты совершенно иные, так как иначе проявляется воздействие эффекта науки на производство. Его применение приводит к изменениям в технике и технологии производства, сокращающим издержки производства. Критерием для производства выступает это сокращение издержек. Снижение затрат в объеме расходов на науку будет абсолютным пределом, за которым производство становится безразличным к научному продукту, если он не обладает какими-то свойствами, которые не могут отразиться на счетах затрат, но представляют определенный интерес.

Как видим, и в этом случае мы неизбежно приходим к таким способам общественного признания научного труда, которые основываются не на действительной массе труда, примененного в сфере науки, а опираются на общественные условия производительного потребления продукта науки. Все это позволяет сделать и общий вывод. Он состоит в том, что общественная оценка эффективности научного труда опирается экономически на те критерии, которые характерны производству и исходят от него самого. Но учитывая, что сфера науки не является непосредственной отраслью производства и лишь одной из своих сто-

рон выходит на связь с производством, оставаясь в то же время областью получения новых знаний безотносительно сегодняшних потребностей производства, этих критериев недостаточно. Они должны быть дополнены экспертными оценками для того, чтобы создать благоприятные условия ускоренного развития науки и в тех случаях, когда возможный производительный эффект продукта науки не очевиден сегодня.

Такой вывод позволяет говорить о необходимости соблюдения меры и осторожности в развитии хозрасчетной формы связи науки с производством. Ориентация хозрасчетного научного учреждения только на прибыль, которая неизбежно возникает при таких экономических условиях его функционирования, может затормозить решение сложных и больших научных проблем, распылить внимание и ресурсы на мелкие темы, что неблагоприятно скажется как на развитии производства, так и на самой науке.
